

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

От редакции. Норберт Плева, по профессии учитель, в 1981 г. вышедший на пенсию, живет в г.Бергиш Гладбах, который практически сливается с восточной частью Кёльна. Знакомый многим русским, приехавшим в Северный Рейн-Вестфалию в последние десятилетия, он помогал им освоиться во время их пребывания в Германии, используя свое великолепное знание русского языка. Со многими из них он до сих пор поддерживает теплые, дружеские отношения. В семье Плева традиционно дружески относились к России. В самом начале Второй мировой войны Н.Плева оказался мобилизован и рядовым солдатом артиллерийских войск вермахта попал сначала во Францию, затем в Польшу, а 22 июня 1941 г. в СССР. Опыт военных лет и в особенности пребывание в русском плену послужили Н.Плева стимулом для дальнейшего изучения русского языка и русской культуры, к тонким ценителям которой он принадлежит. Сотрудникам ИНИОН Ю.И.Игрицкому и В.П.Любину (переведшему данные воспоминания) посчастливилось познакомиться с ним во время командировки в кёльнский Институт по изучению Востока и международных отношений — BIOST — в сентябре 1993 г. Возникшая уже тогда идея — получить от такого интересного собеседника, знатока России, его воспоминания — нашла свое воплощение в недавно присланных им в наш журнал заметках о пребывании в плену под Москвой в 1945–1949 гг. Надеемся, что они окажутся интересными для читателей.

Редакция выражает особую признательность г-же Ирис Ленцен за проделанный труд по обработке немецкого варианта текста и компьютерную запись этих воспоминаний.

Н.ПЛЕВА

В РУССКОМ ПЛЕНУ: ВОСПОМИНАНИЯ

В качестве краткого предисловия к моим заметкам о русском плене мне хотелось бы сказать следующее. Мой год рождения — 1920. Я вырос в семье, которая была русофильской и история которой так или иначе связана с Россией. Мой отец учился в школе в российской части Польши. Однажды русский учитель в этой школе дал ему добрый совет — перейти в немецкую школу и стать учителем, что отец потом и сделал. Мой дед, который умер в 1913 г., работал управляющим на принадлежащей польским графам Велопольским лесопилке на реке Свислочь близ Минска. Отсюда, по-видимому, возникший еще в детстве мой интерес и особое отношение ко всему русскому. На мою долю, как и на долю многих моих сверстников, выпала судьба участника войны. Сразу после окончания школы в августе 1939 г. я был призван солдатом в армию и прошел обучение на связиста в артиллерийских частях. В мае 1940 г. был направлен в действующую армию. В течение нескольких дней наша воинская часть участвовала в наступлении на Францию, но мы так и не вошли в прямое соприкосновение с противником. Затем нас перебросили в Польшу, на небольшой полигон около местечка Конски, затем в Кельцы и Выржицу, а в начале июня в Хельм. Я прошел подготовку на радиста штабной батареи артиллерийского полка. В мою задачу входило обеспечение связи между самолетом-наблюдателем и артиллерией. Однако самое интересное заключалось в том, что мне ни разу за время войны так и не привелось этого делать. Необходимости в применении этого средства связи не оказалось.

Война началась для меня с 21 июня 1941 г., когда немецкая армия развернула наступление на Киев, вблизи которого ей пришлось надолго остановиться. В сентябре 1941

г. мы перешли Десну севернее Киева. Затем мы двигались через Прилуки на Белгород, в котором я находился с конца октября по декабрь. Затем без боев — до Харькова. После этого в январе 1942 г. мы снова оказались в Белгороде, и оттуда пошли на Яковлево и позднее на Тетеревино.

Летом 1942 г. мы наступали на Воронеж. Осенью были под Острогожском. Моя дивизия была придана в качестве резерва 2-й венгерской армии. В январе 1943 г. немецкий фронт был прорван. Мы отступали вплоть до Миргорода. Оттуда в мае 1943 г. я вновь попал под Белгород. Летом дивизия участвовала в немецком наступлении на Курской дуге и после трех недель боев отступала из-под Белгорода до Кременчуга и Черкасс. С июля 1943 г. я служил радистом артиллерийской батареи.

В декабре 1943 г. был командирован на учебу в войсковую школу связи в г. Галле, в которой находился до мая 1944 г. Затем меня лечили в госпитале резерва в том же Галле, где мне приходилось заниматься ведением документации. Начальник отделения госпиталя вскоре сказал, что у него будут неприятности, если выяснится, что фронтовика задерживают на подобной работе. Так я оказался в тыловых войсках связи в Веймаре. В ноябре 1944 г. я был переведен на фронт около Баранова. 12 января 1945 г. произошел прорыв немецкого фронта. Наша часть была переведена к Хиршбергу и оттуда далее к фронту у Одера, в район Губина. После начавшегося 16 апреля 1945 г. русского наступления на Берлин остатки нашей части, рассеянной неподалеку от г. Хальбе, сдались в плен. Это произошло 29 апреля близ Нойдорф ам Зее.

Дорога в плен

Итак, в конце апреля 1945 г. под Хальбе, южнее Берлина 9-я армия под командованием генерала от инфантерии Буссе была полностью окружена и по большей части уничтожена. Мое подразделение при этом не встречалось с противником. За несколько дней до 29 апреля командир, старший лейтенант, распустил наше подразделение. Каждый из нас получил на руки свой воинский билет и мог идти куда пожелает. Я пошел с группой из четырех человек от Хальбе в направлении Мэркиш-Бухгольца. Затем мы направились к Нойдорфу ам Зее и расположились у реки за этой деревней. Там мы залегли на опушке леса на берегу реки и наблюдали за обстановкой. В воскресенье, оно пришлось на 29 апреля, на дорогах по краям леса стали грузовики. Стало ясно, что сражение закончилось, и я вместе с другими солдатами решил сдаться в плен. Там нас собралось около 170 человек, и я повел эту колонну по песчаной проселочной дороге в Нойдорф-ам-Зее. Навстречу нам на джипе выехал русский капитан. Он вышел из машины и сказал мне, что лесник, который находился среди стоявших рядом немецких гражданских лиц и единственный среди них носивший форму зеленого цвета, должен эту форму снять, иначе его заберут в плен. От Нойдорфа мы прошли пешком в Альт Шадов и далее до Франкфурта-на-Одере. Из Франкфурта-на-Одере мы шли тоже пешком до Польши.

В огромном лагере в Познани готовили транспорт в Россию. Вагоны снабжались нарами, на которых можно было лежать. Из Познани нас перевезли в товарном поезде в Москву и высадили в Татищево.

Путь на поезде занял около трех дней. Мы обеспечивались необходимым, хотя и в недостаточной мере, но для того, чтобы перенести путь, хватило и этого. Команды охранников обращались с нами довольно грубо. Мы прибыли в Татищево где-то в середине мая. Все время стояла теплая погода.

Весь путь прошел без приключений, и каких-либо особых происшествий во время этой транспортировки не случилось. Хотя два эпизода мне хорошо запомнились. Когда мы пересекали Одер по навешенному временному мосту, на реке стояли военные катера и лодки, и находившиеся в них матросы грозили нам, направляя на нас свои двадцатимиллиметровые пушки, как будто намереваясь обстрелять нашу колонну. Позже мы проходили мимо госпиталя, находившегося по дороге к Познани. Этот госпиталь, вероятно, действовал уже несколько месяцев. Русские раненые были одеты в пижамы, они выбежали на край улицы, чтобы обругать нас, и грозили нам своими костылями.

Очень удручающе было видеть разрушенные поселения в России. Из поезда по пути мы видели несколько лагерей немецких военнопленных, производивших довольно мрачное впечатление. Подавляло чувство полной неуверенности, и будущее страшило

своей неопределенностью. Никто не знал, как дело повернется дальше. Многие потеряли всякую надежду.

Татищево

По прибытии в Татищево нас высадили в открытой местности. Из поезда выгрузили доски, служившие нам нарами в вагонах, кухонные котлы и кастрюли вместе с запасами провизии, прежде всего сушеных овощей.

Лагерь находился неподалеку от канала Москва-Волга. Ближайшим крупным городом был Дмитров. До этого здесь был лагерь русских заключенных, строивших канал. В самом начале все впечатления оказывались для нас новы, и потому всё лучше запомнилось.

Территория лагеря была обнесена колючей проволокой. В лагере был один большой барак и небольшие домики вокруг него. Состояние барака, где нам предстояло жить, было отвратительным. Для проживания в зимнее время он не был приспособлен. В нем не было никакого отопления. Имелась всего одна уборная, сооруженная за его пределами. В бараке были дощатые нары со щелями, выстроенные в два этажа, и вначале не было даже набитых соломой подстилок или матрасов, не говоря уже об одеялах. В лагере были небольшие мастерские по починке обуви и одежды.

Нас набралось около 500 человек. Немецких офицеров среди военнопленных нашего лагеря не было. Когда мы прибыли в лагерь, при входе нас спрашивали только, имеются ли военнопленные, которые знают русский язык. Регистрация, заведение личных дел были произведены уже потом.

Внутри лагеря верховодили югославы (мы называли их всех сербами). Как они попали в плен и что из себя представляли, мы не знали. Они представлялись как партизаны, что мне казалось довольно сомнительным. Отношения между военнопленными югославами и немцами были довольно напряженными. Как только мы прибыли в лагерь, они украли у нас все, что только можно было украсть. Спустя несколько месяцев их увезли. Мы не знали, куда их отправили.

Было ясно, что заправлявшие в лагере югославы заботятся в первую очередь о себе и своих людях. В лагере находилась также группа поволжских немцев, отношение к которым было особым. Они служили в вермахте. Как они оказались в немецкой армии, трудно было сказать. Из Татищева их потом увезли. После того как нас перевели в Долгопрудный (речь об этом пойдет дальше), они появились снова и там. Они не вызывали особых симпатий. Внутреннее управление в лагере продолжало находиться в руках югославов. Немцы мало могли воздействовать на ситуацию.

Скоро нас стали выводить на работы в Дмитров, на завод, где вначале надо было заняться уборкой. Затем последовали ремонтные работы. О каком-либо организованном и планомерном труде не было и речи. На этом машиностроительном заводе работала самая большая часть военнопленных. Дорога на Дмитров была долгой и при большой жаре очень изнуряющей.

Поначалу состояние здоровья военнопленных было относительно хорошим. Но оно довольно быстро оказалось подорванным из-за недостаточного питания, тяжелого труда и изнурительного пути пешком до места работы и обратно. Многих направляли в “ОК”, что означало “оздоровительная команда”. Они оказывались нетрудоспособными и могли выполнять лишь легкую работу в самом лагере.

Наше обеспечение продуктами в Татищево, после того как продукты, что мы привезли с собой, закончились, начало ухудшаться. Для человека, занимающегося тяжелым физическим трудом, оно было явно недостаточным. Мы получали два раза в день жидкий, без картошки суп, к которому выдавалось около 600 граммов хлеба, бывшего главным компонентом питания. О мясе и жирах не было и речи, лишь изредка в суп попадала капля свиного жира из запасов американских консервов.

Из-за недостаточного питания и тяжелой работы многие военнопленные болели дистрофией, болезнью, которая нашим врачам была неизвестна. У них были страшные отеки на ногах, сердечная недостаточность, упадок сил и другие симптомы. Из-за нехватки белков многие страдали болями в печени. Ко всему этому в разных лагерях относились по-разному. Этих военнопленных регистрировали как “ОК”, им не полагалось работать, они получали лучший уход и т.д. Но успехи были мало заметны.

Летом не способные к труду военнопленные из “ОК” собирали крапиву, отрывали листья от стеблей и отдавали их на кухню. Там из них варили суп с добавлением пары картофелин и горсти перловой крупы. Когда я однажды сказал милой Маше, заведующей кухней: “Если нашей едой всегда будет только крапива, мы все здесь скоро поумираем”, — она лишь посмотрела на меня, ничего на это не ответив. Маша была родственницей коменданта лагеря, капитана пограничных войск.

В нем не было ничего особенного, поэтому его трудно описать. Одно из его высказываний тем не менее может дать некоторое представление о нем. Однажды, когда мы вернулись из Дмитрова после длинного рабочего дня и вооруженная охрана сдавала нас на проходной, я услышал, как он довольно внятно произнес: “Это же тоже люди”. Для меня те слова были важны, чтобы понять, что это за личность, они показывали его положительную сторону. От коменданта лагеря немца вряд ли удалось бы услышать подобное.

Помнится, как однажды, когда колонна входила в лагерь после работы, командир конвоя не совладал с собой. После перебранки с комендантом лагеря он выстрелил из револьвера в землю тому под ноги.

Один русский капитан, служивший в МВД, мне особенно запомнился. У него был мотоцикл немецкого производства — БМВ, и он им очень гордился. Он заставлял одного из наших военнопленных постоянно с утра до вечера его ремонтировать. Дружелюбием к нам он не отличался.

Конечно, среди нашей охраны и руководства лагеря были разные люди. Один из служащих лагерной администрации, который ранее побывал в плену у немцев, особо симпатизировал военнопленному по имени Роберт Хобиц. Ему встретился в немецком плену солдат, похожий на Роберта, который хорошо к нему отнесся. На родину он вернулся поздней осенью 1945 г. Но через некоторое время он скончался от туберкулеза, как рассказала мне в 1949 г. его вдова.

Русские офицеры, вахтеры и гражданские лица из лагерного управления не относились к нам враждебно, они были скорее безразличны и, вероятно, имели более чем достаточно собственных забот. Придирик или грубости не было. Неприятными были проверки, особенно на морозе, когда нас пересчитывали. У нас, однако, в бараке были электрический свет и радио, а рядом с баракком — вода. Приятным было то, что летом несколько раз мы смогли искупаться в канале.

Контактов с населением почти не было. Однажды политработник из поволжских немцев пригласил одного простого человека из соседней деревни, который представился как коммунист и должен был выступить со скучным докладом, но выступление у него не получилось. Дёлль, так звали политработника, клялся, что больше его никогда не пригласит.

В лагере было санитарное отделение (санчасть) с одним или двумя санитарями и одной русской фельдшерницей. Это отделение было очень примитивно оснащено и не отапливалось. Работавшая в нем женщина-фельдшер выглядела довольно бедно. Надо сказать, что она старалась заботиться о больных так, как это в таких условиях только возможно. В конце лета, по-видимому, в Лобню был отправлен транспорт с больными военнопленными (русские называли их “калеки”).

Смертный случай был всего один. Думаю, что скончавшийся военнопленный был матросом. Его похоронили на лугу, находившемся примерно в километре от нашего лагеря. Один югослав отвез его туда на запряженной в легкую телегу лошади. Я положил на его могилу несколько цветков одуванчика.

Иногда по выходным, когда не надо было работать на заводе, часть из нас посылали на работу в колхоз, где мы построили картофелехранилища. Эти дни особенно запоминались, потому что тогда у нас на обед была вареная картошка и пол-литра молока.

Комиссий из Москвы не приезжало. Только однажды появился полковник Мазур, он был, вероятно, из управления лагерей. Я находился в тот момент в пристройке санитарного барака и видел, как его поят чаем.

Вещи воровали в лагере довольно часто, хотя весь день на вахте в бараке сидел кто-нибудь из “ОК”. Он должен был рапортовать всегда, когда русский офицер или сержант входили в барак, и, конечно, делал это на немецком языке, который, ясное дело, никто из русских не понимал.

В начале зимы нас перевели в лагерь в Долгопрудном. При этом туда из всего состава татищевского лагеря перевели лишь часть пленных. Куда отправили других, трудно сказать.

Мы радовались тому, что покидаем Татищево и едем в Долгопрудный. Мы ехали туда на пассажирском поезде, и охранял нас всего один человек. В Долгопрудном инспектор по учету Бухнев передал нас дежурному офицеру. Все управление долгопрудненского лагеря тоже было переведено вместе с нами в Марфино.

Было ясно, что все более ухудшается не только наше снабжение, но и гражданское население получает все меньше необходимого. Про события во внешнем мире мы знали лишь кое-что из “Правды”. В один из дней комендант лагеря с большим удовлетворением объявил нам о капитуляции Японии.

Долгопрудный

Этот лагерь произвел на нас хорошее впечатление сразу же, как только мы туда прибыли. Бараки были немного лучше, чем в Татищево. Имелась печка из кирпича с железной плитой. Умываться можно было в пристройке к барaku. Кухня была вынесена в особый барак. В столовой некоторое время находилась столярная мастерская. В большом бараке хватало места для нескольких сотен людей, внутри него содержался маленький лазарет. Барак был бревенчатым, но изоляция между бревен была не слишком плотной. Часть стен была оштукатурена глиной. Накануне зимы щели подоткнули паклей. И все же состояние барakov оставляло желать лучшего. Они были плохо защищены от холода, и мы начали заполнять опилками ящики с внешней стороны стены, чтобы хоть немного защититься от морозов.

Койками служили деревянные стеллажи, каждый с четырьмя нарами. Через некоторое время появились стеганные ватные матрасы. Бани в лагере не было, и мыться в бане нам надо было ходить в Долгопрудный. Кроме прочего в лагере существовала прачечная, сапожная и портняжная мастерская.

Управление находилось в бараке, стоявшем за пределами лагеря. Внутри лагеря в Долгопрудном командовали поляки, или те, кто себя так называл. В начале 1946 г. их оттуда перевели, но, очевидно, домой они тогда не были возвращены. Важнейшие функции в лагере переняли от них потом австрийцы.

В Долгопрудном всех военнопленных немцев еще раз зарегистрировали, и на каждого завели “личное дело”. Некоторую часть записей в этих личных делах выполняли военнопленные, которые могли писать по-русски. Это вызвало споры среди русских офицеров.

Русский персонал и офицеры комендатуры производили на нас хорошее впечатление, и мы могли быть ими довольны. В недостаточном снабжении не было их вины. Дефицит проявлялся почти во всем. Зимой мы старались отапливать бараки настолько, насколько это было возможно. 1946 г. оказался для нас и для русских очень тяжелым годом. Население пострадало от засухи. Снабжение и выданная нам одежда были в 1946 г. плохими.

Некоторых военнопленных использовали на внешних работах в Долгопрудном в качестве охранной команды. Они носили повязки с надписью “ВК” — “вспомогательная команда”. Их перевели в особый барак.

Число людей, попадавших в “оздоровительные команды” (ОК), как и раньше, оставалось немалым. В больничном отделении медикаментов все так же не хватало. Однажды в лагерь поступило много венгерских лекарств, но как их применять, никто не знал. В больничном отделении работал немецкий капитан медицинской службы. Когда один из военнопленных умер при невыясненных обстоятельствах, вскрытие, проведенное русским врачом в его присутствии, не помогло выяснить причину смерти.

В 1946 г. был отправлен первый крупный транспорт военнопленных на родину, в нем были лишь больные и неработоспособные. Когда и куда они отправлялись, мы так и не узнали. Часть из них отвезли в Германию.

Так как возникла опасность заболевания тифом, всех военнопленных подстригли наголо. У многих это вызвало возмущение и злобу. Больничное отделение, называвшееся также лазаретом, обеспечивало, насколько это было возможно, медицинский уход за военнопленными.

Постепенно стали поступать первые ответные открытки Красного Креста, потом их становилось все больше, позднее мы стали получать и письма. Хотя цензура при этом и была, но очень поверхностная. Небольшое количество открыток нам раздали еще в Татищеве.

В Долгопрудном тогда мы работали в первую очередь на строительстве двух зданий Физического института. Особенно тяжело там было копать траншеи для прокладки кабеля. Строительство института было закончено на рубеже 1948/1949 гг. Работы не прекращались и в зимнее время. “Организовывать” стройматериалы, что означало “воровать”, как мы замечали, на стройках умудрялись почти всегда. Кроме этого мы работали в Долгопрудном на двух заводах. Зимой мы разгружали дрова из барж, стоявших на канале. Все работы нормировались. Если норма выполнялась, выдавалось дополнительно 150 граммов хлеба.

Из Долгопрудного команды военнопленных возили в Москву, где они работали на строительстве дома на улице Воровского. Там происходили стычки с русскими заключенными. При этом дело доходило до драк, в которых немецкие военнопленные в большинстве случаев одерживали верх благодаря лучшей организации и дисциплине. Позднее на улице Воровского произошла забастовка, во время которой там, говорят, появился Абакумов, заместитель Берии. Каких-либо последствий для нас это не имело. На улице Воровского в этом доме позднее был создан небольшой лагерь-филиал.

Постепенно у нас образовалась музыкальная капелла. Инструменты нам достали русские офицеры. Военнопленные также ставили небольшие театральные пьесы.

Из лагеря в Долгопрудном иногда в выходные мы совершали поездки в Москву. Нас одевали так, чтобы нельзя было сразу понять, что мы немецкие военнопленные. Но русские, у которых очень тонкий нюх на подобные вещи, разумеется, сразу узнавали, кто мы такие. Мы ездили маленькими группами, по 10-12 человек, в сопровождении офицера или политработника, целью было посещение кино, театра оперетты или Третьяковской галереи. Многие военнопленные находили, что возможность совершать эти поездки является знаком доброго отношения к нам со стороны русских. Не раз мы ходили в кино и в Долгопрудном, на нормальные киносеансы, на которых присутствовало и обычное население. В кино показывали “Девушку моей мечты” с Марикой Рёк в главной роли, “Убийцы среди нас” и другие иностранные и советские фильмы.

Что касается русского персонала, то нужно сказать, что в большинстве своем он вел себя безупречно. Мне хотелось бы назвать коменданта лагеря Баранова, далее офицеров администрации Жукова, Татаринова, Подольного, Позднякова, а из другого персонала Шумихина и врача Сару Кугель. Можно добавить, что лейтенанты Татаринов и Жуков, которые побывали в немецком плену, где они пережили страшные муки, постоянно были с нами предупредительны и корректны. Могу сказать только хорошее и о капитане-армянине, который был прислан к нам позже.

В Долгопрудном уже в 1947 г. жизнь в лагере начала постепенно улучшаться. Обеспечение стало более сносным. Иногда играли в волейбол, причем русские офицеры с большим удовольствием участвовали в этих играх. За бараками был небольшой луг, который использовали как футбольное поле. Однажды комендант нашего лагеря (не знаю, был ли он тогда трезв) забил гол и очень радовался этому. Но мы видели, что вратарь, который был смекалистым парнем, бросился как раз в противоположный от летящего мяча угол ворот.

Как-то раз в лагерь приезжала машина с оборудованием для звукозаписи Московского радио, чтобы сделать музыкальные записи. Эти записи потом транслировались на Германию, о чем мы узнали из писем наших родственников.

Отношение к нам населения было в целом хорошим. В один из выходных дней две команды из военнопленных играли друг с другом в футбол, все это происходило на спортивной площадке посреди города, и мы были без охраны. На этом матче в центре Долгопрудного присутствовало много зрителей из местных жителей. Кроме этого мы часто ходили в местную баню. Но там контактов с населением почти не было.

Какие-либо неприятные вещи в наш адрес от русских мне приходилось слышать довольно редко. Однажды, когда мы шли на канал разгружать дрова с баржи, довелось услышать, как интеллигентного вида русский произнес с иронией: “Завоеватели мира”. В другой раз на заводе, где мы работали как каменщики, один русский мастер (или помощник мастера) сказал во время обеденного перерыва: “Они жрут лучше нас”.

Снабжение действительно начинало понемногу налаживаться. Лагерная администрация, как могла, старалась его улучшить. Однажды мы привезли из колхоза большую бочку мелкой рыбы, а с рынка картофель. Все это было продано потом в лагере.

К тому времени наша одежда и обувь были уже сильно изношены, так, что починить их вряд ли было возможно. Лишь иногда мы получали что-либо новое из одежды. Как-то летом выдали очень легкую льняную одежду — пиджаки и брюки коричневого цвета. Ее мы носили особенно охотно. Но с обувью дело обстояло неважно. Ботинки были тяжелыми, на деревянной подошве, а верхняя их часть была брезентовой.

Вскоре была отменена карточная система для населения, затем последовала денежная реформа (осень 1947 г.). Военнопленным и лагерному персоналу стали платить за работу деньги (в среднем 150 рублей, иногда и больше).

Удавшийся побег из лагеря в Долгопрудном произошел лишь однажды. Исчез наш “комик”, которого русские прозвали “Арбуз”. Полагали, что ему удалось при помощи одной русской женщины добраться до района Кенигсберга.

После того как австрийцы покинули Долгопрудный, самоуправление в лагере перешло в руки немцев, и оно оказалось лучше, чем можно было ожидать. Не было никакой коррупции, и отношение стало терпимее. В Долгопрудном в лагере были и немецкие офицеры, которые по своему поведению и отношению к другим заметно отличались от солдатских товариществ, не в лучшую сторону.

После отъезда австрийцев подонки, криминальные элементы, которые, разумеется, тоже встречались среди военнопленных, под влиянием установившихся в лагере порядков быстро утихомирились. Так было, например, с прибывшим летом 1946 г. транспортом из лагеря в Сталинграде, в котором оказались подобные люди. Был создан комитет, который резко осудил поведение “сталинградцев”, и добился своего, поставив их на место. После этого настроение людей в лагере заметно улучшилось. Когда к нам впоследствии прибывали маленькие группы из различных лагерей, мы всегда могли помочь им деньгами.

Летом 1947 г. военнопленных начали фотографировать для личных дел. Было приятно видеть, как уполномоченный Феликс, наблюдавший за фотографированием, подбадривал военнопленных словами: “не унывай”, “только не плачь”. Потом тем, кто должен был работать за пределами лагеря, выдали пропуски. Они могли покидать лагерь без охраны.

Как-то раз несколько человек, среди которых был и я, отправили на погрузку кирпичей на грузовик. Наш уполномоченный Подольный собирался построить из них жилье для себя и своей невесты. В один погожий день к нему приехал отец. Уполномоченный встретил его довольно неприветливо. Я слышал, как он спросил: “Что тебе здесь надо?”. Мне стало жаль его отца.

Однажды уполномоченный спросил меня: “Твой отец еврей?”. Офицер охраны по прозвищу “Т-34”, увидев фотографию моего отца, произнес: “У него очень представительный вид”.

Поблизости от лагеря в Долгопрудном был небольшой пруд, довольно загрязненный, в нем можно было немного поплавать, что при сильной жаре летом 1947 г. было приятно. Но с чистой водой канала его, конечно, было не сравнить.

Из событий зимы 1946-1947 гг. запомнилась одна поездка, когда наш переводчик и политработник В. взял нас с собой в деревню, где жил его знакомый. Когда мы приехали, было уже довольно темно. Мы немного посидели в маленькой “чайной”, заведовал которой знакомый нашего переводчика-политработника. По пути к ней мы прошли через большой луг, где еще лежало несколько немецких стальных касок. Там неподалеку в школе должен был находиться во время боевых действий немецкий перевязочный пункт. При отступлении школа вместе с находившимися в ней ранеными была взорвана. Этот поход в гости оставил у меня довольно горькое впечатление.

Марфино

Из Долгопрудного далее мы попали в лагерь Марфино, где, как я уже отмечал, в 1947-1948 гг. наше обеспечение стало улучшаться. Военнопленные уже могли себе позволить приходить к раздаче еды только тогда, когда кормили чем-то еще, кроме обычного жидкого супа или каши. Все бывали довольны, когда подавалась жареная рыба.

Первый раз рыба в нашем рационе появилась в Долгопрудненском лагере, она была довольно вкусной из породы лососевых.

В нашем ларьке в Марфино наряду с хлебом, сигаретами, конфетами, маргарином и сахаром можно было купить и другие продукты, даже алкогольные напитки, что иногда приводило к пьянкам. Килограмм черного хлеба стоил тогда, насколько я помню, 3 рубля. Деньги, выплачивавшиеся военнопленным, составляли ту часть, что оставалась у каждого после вычета суммы, уходившей на наше содержание. На содержание уходило 200-250 рублей, на руки выдавалось 150-200 рублей, а в некоторых случаях и больше. Многие покупали наручные часы, вошедшие тогда в моду.

В лагере имелись: фотограф, зубной врач, прачечная и баня. Из Марфино на родину уходили транспорты со здоровыми военнопленными и активистами, которые особенно отличились во время работ. На родину уезжали и члены антифашистских комитетов.

Некоторые из военнопленных сумели неплохо устроиться. Так, один пленный художник написал немало копий знаменитой картины Шишкина (“Утро в сосновом бору”) для русских заказчиков.

Один русский офицер привез пластинки из Берлина. Каждое утро нас будила музыка этих пластинок, раздававшаяся через громкоговоритель. Это задание было поручено выполнять одному молодому военнопленному, с которым мы потом виделись на родине. В каждой большой палатке — финской юрте имелись репродукторы. Юрты были соединены покрытым крышей переходом, что служило неплохой защитой от непогоды. В Долгопрудном у нас был и собственный радиоузел.

Важным было и то, что переключки в плохую погоду всегда проводились в бараке. Туалеты и умывальники были сооружены в пристройках у барака. Все это немного облегчало нашу жизнь в плену.

В один прекрасный день наша врач в Марфино забила тревогу, заподозрив в лагере вспышку дизентерии. Но никто из нас не замечал ничего особенного. Неприятным было лишь, что всем военнопленным спозаранку выдавали таблетки. Они еще лежали в постелях и злились на то, что их так рано будили лишь для того, чтобы они приняли эти таблетки. Затем по этому же поводу в какой-то день из Москвы к нам приехала огромная комиссия врачей. Начальница комиссии вела себя не очень корректно и отчитала меня за то, что мне положение не представлялось столь серьезным.

Последствия этой “дизентерийной истории” могли заключаться в следующем. На эти дни была назначена отправка домой двух транспортов с заключенными, каждый в 160 человек. Из-за дизентерии это дело могло оказаться отложенным, так как в лагере намеревались ввести нечто вроде карантина, который на самом деле никто не собирался соблюдать. Но, вероятно, кому-то удалось успешно похоронить этот план.

Вспоминается эпизод, когда мы перед обедом в воскресенье находились в бане, и там нам как раз выдавали новую рабочую одежду немецкого пошива. Думаю, что это были рабочие костюмы, изготовленные раньше для РАД (Reichsarbeitsdienst), “трудового ведомства рейха”. Внезапно открылась дверь и вошел начальник управления лагерей из Москвы, которого можно было признать по его высокой каракулевой папахе. Лейтенант скомандовал: “Встать, смирно!”. Прибывший начальник приказал банщику из немецких военнопленных налить себе стакан воды, которую тот, однако, должен был вначале попробовать сам, за чем начальник внимательно проследил. По всей вероятности, все было в порядке, и начальник вскоре исчез.

Был случай, когда однажды ночью наш комендант лагеря с одним из военнопленных, у которого была сильная зубная боль, ездил в поликлинику в Москву. Трудно себе представить, чтобы нечто подобное могло произойти в Германии. По первым же моим впечатлениям, наш начальник в Марфино, несмотря на всю его кажущуюся грубость, был неплохим парнем. Как-то раз мы ездили с ним из Марфино в Долгопрудный, чтобы выкопать картошку на участке рядом с лагерем, на котором он ее посадил. Комендант долгопрудненского лагеря подошел к забору и сказал нашему коменданту: “Убери своих отсюда”. Однако картошку мы все-таки выкопали и отвезли в Москву. Там мы разложили ее в комнате под кроватью. В комнате проживал родственник коменданта.

В Марфино наш лагерь находился как раз напротив питомника Ботанического сада, неподалеку от автобусной остановки. Вблизи располагалось кирпичное здание, большой дом-дворец, принадлежавший раньше, как нам говорили, Московской патриархии. В нем находилась “шарашка”, в которой работали военнопленные. Там сидели, как я узнал

впоследствии, также Солженицын и Копелев. Когда я уже позднее в Кёльне встречался с эмигрировавшим туда Львом Копелевым и в разговоре с ним упомянул о сильном запахе цветущих лип в Марфино, он тут же сказал, что сам хорошо помнит тот запах, и это общее воспоминание вызвало у нас доверие и симпатию друг к другу. Между прочим, Солженицын “В кругом первом” пишет о каком-то офицере войск СС, которого приводили к ним из лагеря военнопленных. Этого офицера СС у нас никогда не было.

С русскими заключенными в Марфино у нас не было каких-либо контактов. Они работали в непосредственной близости от нашего лагеря. Мы могли с ними переговариваться через колючую проволоку. Один из их бригадиров, почти беззубый, как-то, показав мне на свой рот, сказал: “После освобождения будет ремонт”. Эти заключенные не имели ничего общего с заключенными из спецтюрьмы — “шарашки”.

Заключенных строго охраняли на рабочих местах, что было несравнимо с тем, как охраняли нас. Был случай, когда один заключенный на грузовике на наших глазах наехал на заграждение в воротах и сломал его. Мы испытывали к этим заключенным смешанные чувства и немного боялись их.

Часть наших военнопленных работала в Останкино на строительстве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, где они выполняли подготовительные работы.

В наш лагерь поступил однажды подполковник, которого звали Лик или что-то наподобие того. Он был родом из Потсдама, и ему было уже за шестьдесят. Жена его была переводчицей при военной комендатуре в Берлине. Он часто приговаривал: “Огромные жертвы, принесенные напрасно”. Мне Лик рассказал, что во время его допроса в Москве полковником Штерном выяснилось, что когда воздушные войска, в которых он служил в 1904-1906 гг. — это были тогда те, кто летал на воздушных шарах, — стояли под Грауденцом, то Штерн тоже служил в тех местах, будучи офицером русской армии.

Русские офицеры привозили с собой для нас из Москвы книги, на французском и русском. Думаю, что в немецком лагере такое было бы совершенно невымыслимо.

Двое офицеров ездили вечерами в город, где учились на курсах вечернего обучения. Один из них, Жуков, которого я уважал за то, что тот всегда соблюдал приличия, отличался особенным усердием и расхваливал свою учительницу немецкого языка, считая ее человеком высокой эрудиции. Она давала им много домашних заданий, выполнять которые по большей части приходилось мне. Благодаря его точности и любви к порядку военнопленные прозвали его “Точка над i”. Жуков пытался тогда в Долгопрудном обучать военнопленных высокой морали и подобающему поведению. Из-за этого у него появилось другое прозвище — “Райнер Мария”, связанное с именем Райнера Марии Рильке. Его лозунгом был: “Человек — это звучит гордо!”. Он отличался хорошими манерами. К своей сестре, работавшей в управлении лагеря, относился очень строго. Во время проводившихся время от времени обысков он точно соблюдал инструкции. При этих обысках все пожитки, которые еще оставались у военнопленных, основательно перетряхивались. Во всем остальном он был глубоко порядочен. Я дорого бы дал за то, чтобы снова с ним встретиться.

Зимой 1948 г. нам сообщили, что обещанное освобождение, которое должно было произойти до конца того года, не состоится. Для нас это было, конечно, удручающей новостью. Русское начальство опасалось, что из-за этого военнопленные в лагере могут устроить беспорядки. Однако у нас все осталось спокойным, хотя, конечно, настроение упало до нуля. Мы чувствовали, что и самим русским очень жаль, что освобождение переносится. “Райнер Мария” сказал мне: “Мы вас не приглашали”, — в чем он, разумеется, полностью был прав. Мне и другим пришлось ждать своего освобождения из плена и возвращения домой до лета 1949 г.

Летом 1948 и 1949 гг. отбирались военнопленные, которых хотели отправить в советскую зону оккупации в Германии для создания там “народной полиции”. Среди них находились очень порядочные и честные парни, которые говорили, что они не испытывают к этому никакого интереса. Чтобы попасть в число этих людей, надо было ответить на кучу вопросов. Когда кто-то при этом испытывал сомнения, переводчица давала ему надежный, добрый совет: “Да скажите просто, что Вы за демократию”.

Шла регулярная почтовая переписка, часто приходили письма и открытки из дома. Цензура была мягкой, да ей особо и нечего было делать с нашими письмами.

Зимой 1948-1949 гг. была запомнившаяся поездка в лагерь Икша, который находился от нас в нескольких километрах. Его вскоре собирались закрыть, и одна часть

находившихся там военнопленных должна была быть переведена к нам в Марфино. Мы ездили в Икшу на Рождество с нашей театральной группой и музыкальной капеллой, чтобы дать там представление. Ехали мы на грузовике и сделали большой крюк, выбрав дорогу через замерзший канал Москва-Волга. Наш шофер несся по льду как черт, полагая, что по каналу мы доберемся гораздо быстрее до цели. Я надеялся лишь, что лед достаточно крепок. Мы ощутили, что в Икше среди военнопленных царило довольно плохое настроение и полное равнодушие, что очень сильно отличалось от состояния людей в нашем лагере. Там нам рассказывали, что зимой 1941-1942 гг. при наступлении немцев из канала выпустили воду. Вероятно, из-за этого немецкие машины и танки провалились под лед.

Помню, что позднее мы дали еще одно представление в малом лагере на улице Воровского в Москве.

У руководства лагеря возникали большие трудности в отношениях со старым коммунистами и социалистами, которые, конечно, тоже были среди немецких военнопленных. Русские офицеры были относительно молоды и знали мало о немецком рабочем движении, им трудно было понять этих военнопленных, которых вынудили воевать с Советским Союзом против их воли и их убеждений. Это была страна, на которую рабочие всегда возлагали надежды. Среди коммунистов, сидевших в концлагере Бухенвальд, некоторых силой отправляли служить в вермахт. Русские офицеры обращались с ними неуверенно, не зная, как следует относиться к такого рода людям, что для последних было очень досадно и не улучшало их настроения.

В общем русские обладают тонким чутьем на людей, их достоинства и недостатки. Среди военнопленных были и отъявленные негодяи, и мы были удивлены, как быстро русские их распознали и стали относиться к ним как к проходимцам и подонкам. Эта способность разграничивать людей вызвала у большинства военнопленных одобрение. Русские быстро поняли, что большинство немецких военнопленных были порядочными людьми, но их использовали, обманули. “Надо знать, чем он дышит”, — говаривал уполномоченный Феликс, имея в виду того или иного “подопечного”, и ему удавалось это узнать.

Что касается проводившейся среди военнопленных политической работы, то можно сказать, что предпринимались всего лишь попытки вести таковую. Последовательной политической работы не было никогда. К ней не было достаточно серьезного отношения. Это можно отнести к деятельности как немецких антифашистов, так и советских политорганов. Хотя если бы проблемы знали лучше и попытались их разрешить, это принесло бы пользу и пленным, и агитаторам.

А вот работа в сфере культуры часто приносила успех, помогала улучшить настроение военнопленных. Она была важным средством выживания в условиях плена, потому что оказывала ощутимое психологическое воздействие.

С гражданскими лицами в Марфино, как и в Долгопрудном, встречи были лишь sporadическими. Чаще всего это были люди, с которыми доводилось сталкиваться в ходе работ, на которые направлялись военнопленные. За редким исключением все эти лица не были ни враждебными нам, ни надменными, они не искали возможности выместить на нас свою злобу. В этом, мне представляется, было большое различие между положением русских и немецких военнопленных.

Некоторые размышления и соображения

За время пребывания в плену было много случаев положительного и гуманного отношения к нам со стороны русских людей. Мы получали все больше подтверждений тому, насколько русский человек незлопамятен. Один мужчина, родом из Минска, в ремесленном училище в Долгопрудном, где мы тогда работали, сказал мне: “Я потерял девять родственников, но у меня нет на вас злобы, как нет и ненависти к вам”. А ведь он, вероятно, был евреем.

Такие враждебные высказывания, как “военнопленных мы продержим здесь до конца и выжмем из них все до последней капли крови”, были большой редкостью, и при той нужде, которую испытывало население, их можно было понять, особенно если подумать, сколько зла было причинено русским людям немцами во время войны. Представления немецкого населения определялись идеологией, в которой господствовали

ненависть и неуважение к русским. Каждый должен был видеть в “маленьком Иване” своего личного врага. Один преподаватель, по образованию психолог, в армейской школе связи в Галле, в которую я попал с фронта в самом конце 1943 г., старался внушать подобные свои представления нам, присланным на обучение солдатам. Но до него не доходило, что он беседует со старослужащими, которые в ходе своего пребывания в России получили совсем иные впечатления. Мы пропускали гневные тирады этого преподавателя мимо ушей. Все это происходило в начале 1944 г.

Моя знакомая рассказывала мне, что видела, как студентки на вокзале в Берлине плевались в русских военнопленных. Одна жительница Кёльна (она работала потом помощницей по налоговым вопросам премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия Хайнца Кюна) слышала, проезжая на трамвае по мосту через Рейн в то время, когда по нему вели колонну русских военнопленных, как какая-то женщина сказала: “Всех их надо сбросить в Рейн”. Насколько мне известно, готовность видеть в русских военнопленных таких же людей, как и все другие, можно было встретить довольно редко.

Даже в те времена, когда у русского населения были огромные проблемы со снабжением, русские люди всегда были готовы дать военнопленному хоть что-нибудь, тот же кусок хлеба. Что, конечно, с психологической точки зрения военнопленному было очень важно знать и видеть.

Можно себе представить, что Россия вовсе не была готова к приему и содержанию такого большого числа немецких военнопленных и не располагала достаточными средствами для их питания и обустройства. Даже при доброй воле и хорошей организации это было бы невозможным. В русском плену умерли 1,1 млн. немецких военнопленных. Из советских военнопленных умерли 3,7 млн. человек. Причины этого заинтересованному читателю, вероятно, известны, и какие-либо комментарии здесь неуместны. Важной причиной плохого обращения с людьми, попавшими в плен, являлось то, что ни Советский Союз, ни Германия не подписали Женевской конвенции по обращению с военнопленными.

Военнопленные в России постоянно ощущали голод. В чем заключались его причины — в том ли, что страна сама по себе была не в состоянии обеспечить военнопленных хотя бы тем минимальным, что необходимо было для выполнения тяжелых физических работ, на которые они направлялись, или же в неспособности, плохой организации и коррупции — теперь уже вряд ли возможно выяснить. Но с русской стороны не было никакого умысла уничтожить немецких военнопленных с помощью голода и плохого обращения с ними. Напротив, подобные намерения уничтожения совершенно ясно и открыто проявлялись в Германии со стороны тех, кто занимался русскими военнопленными.

Интерес некоторых стран к судьбе своих солдат, попавших в плен, зачастую был очень незначительным. В этих странах существовало расхожее мнение, что они сдались в плен более или менее добровольно вместо того, чтобы бороться до конца и умереть за родину. Потеря интереса к собственным офицерам и солдатам в плену приводила к тому, что к ним там соответственно этому плохо относились. Исключение составляли Англия, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Уже во время Первой мировой войны с русскими военнопленными в Германии и Австрии обращались гораздо хуже, чем с англичанами или французами. Во время Второй мировой войны речь шла о планомерном и систематическом уничтожении большей части советских военнопленных. В них видели “большевиков” и “азиатских недочеловеков”. Лозунг гласил: “Русский военнопленный нам не товарищ”.

После капитуляции 1945 г. многие немецкие военнопленные находились еще в крепком физическом состоянии. Но они были, как однажды выразился наш инспектор по труду в лагере в Татищеве, “морально убитыми”, что совершенно точно соответствовало тогда их душевному состоянию. Физическое состояние многих ухудшалось прямо на глазах. Если бы Советскому Союзу удалось обеспечить немецких военнопленных в достаточной мере, это возымело бы положительное воздействие на их политические убеждения, изменило бы к лучшему их отношение к СССР.

Большинство немецких военнопленных были людьми дисциплинированными и готовыми трудиться. Некоторые из них работали качественно и много. Необходимо проводить ясное различие между военнопленными, попавшими в плен до капитуляции, и

большой массой военнопленных, угодивших в плен после капитуляции. В первой из этих групп многие до конца верили в победу. Среди же тех, кто оказался в плену после капитуляции, об этом не могло быть и речи. Они мечтали лишь об освобождении и отправке на родину.

Здесь необходимо подчеркнуть, что по проблемам военнопленных двух мировых войн написано сравнительно мало трудов. Хотя и имеются более или менее официальные многотомные публикации, но по-настоящему убедительного отображения этой проблематики по сей день нет.

Это же относится ко всей истории Второй мировой войны, которая еще не написана и, вероятно, не будет написана, как много раз подчеркивали специалисты. Затягивание возвращения домой немецких военнопленных во время нахождения у власти правительства Аденауэра в ФРГ является настолько щекотливой темой, что никто не осмеливается ее разрабатывать.

Немало немецких военнопленных задерживалось в Советском Союзе до середины 50-х годов. Известно, что Аденауэр, приехав с визитом в Москву в 1955 г., вел с советским руководством переговоры о репатриации военнопленных. Настоящий прорыв этого застывшего фронта удалось совершить тогда Карлу Шмиду из СДПГ. Когда возникла опасность, что переговоры могут закончиться неудачей, Шмид обратился напрямик к Хрущеву и возвал к великой русской душе. После этого Хрущев переменял свое мнение, и договор был заключен. В предшествующие годы Аденауэр, сознательно или нет, тормозил репатриацию пленных из СССР, но какие причины его к этому побуждали, необходимо выяснить отдельно. Здесь я могу лишь отослать заинтересованных читателей к диссертации на эту тему немецкого историка Майера.

* * *

После освобождения из плена, происшедшего 26 июля 1949 г., и возвращения на родину я попытался обрести себя в “гражданской жизни”. Речь шла о том, чтобы научиться жизни или же попросту научиться жить.

В 1951-1954 гг. я учился, и сама учеба внесла не слишком много интересного в мою жизнь, но предоставила возможность получить профессию. С 1955 по 1981 г. я проработал учителем.

Мне легко давались иностранные языки, для меня не составляет труда читать и объясняться на французском, английском, испанском, к которым в последние годы добавился португальский, мои интересы лежали и в сфере славянских языков, на которых я свободно читаю. Но особенно меня притягивали русский язык, русская литература, русская музыка и русская культура во всей ее совокупности. В свободное время, в качестве “самоучки”, я довольно интенсивно продолжал изучение русского языка, начатое еще когда мне было двадцать лет и возобновленное во время моего вынужденного пребывания в СССР. У меня дома — большая библиотека на русском, собрание пластинок и кассет с литературными записями на русском языке.

Мой интерес к России и всему русскому еще более укрепился после непосредственного соприкосновения с судьбами простых русских людей. Они во время войны прекрасно чувствовали разницу между теми, кто пришел к ним не по своей воле в солдатских шинелях и видел в них таких же людей, какими были они сами, и теми, кто вел себя как оккупанты, которым все дозволено.

Оглядываясь с высоты прожитых лет на свое прошлое и зная, что в моем возрасте нет нужды говорить неправду, могу сказать, что на войне мне не пришлось непосредственно стрелять в людей и кого-то убивать, да и по своему характеру я вряд ли смог бы это сделать.

После возвращения на родину я искал контактов с русскими, советскими людьми в Германии. Официальные представители из Советского Союза, с которыми иногда приходилось встречаться, тогда не очень охотно шли на контакты. Позднее было немало встреч с теми людьми из бывшего СССР, кто вынужден был сюда эмигрировать в последние десять-пятнадцать лет, и я помогал многим из них чем мог, принимал участие в сборе и отправке гуманитарной помощи в СССР и Россию.

Когда во время перестройки в СССР и уже после воссоединения Германии здесь стало появляться все больше людей из России, многие из которых приезжали в командировки по обмену опытом и обучению, я был рад любой возможности помочь этим

людям освоиться в новой, непривычной для них обстановке. Довольно часто в последние годы доводилось мне быть добровольным помощником русским врачам, проходившим двухмесячные стажировки в больницах городов земли Северного Рейна-Вестфалии, больше всего в одной из больниц Бергиш Гладбаха. Со многими из них, приезжавшими сюда из разных мест России — от Москвы, Владимира, Твери до Волгограда и Белгорода, куда меня не раз забрасывала судьба во время военных действий, — у меня и по сей день сохраняются самые добрые отношения.

Заканчивающийся XX век был на многих своих поворотах очень трагичным, и не только для моего поколения. По моему глубокому убеждению, опыт этого века, принесшего неисчислимые страдания народам России и Германии, дважды вынужденным воевать друг с другом, учит тому, чтобы наши наследники извлекли урок из совершенных ошибок и никогда их не повторяли.